

нивым» — Измарагд, ч. 2, л. 1 об.). О том же говорит «Слово святого Нифонта о различии спасения» (Памятники, вып. 3, стр. 42—43): «...старые и немощные, нищие и богатые могут сотворить заповеди божия — иже бо кто имеет любовь, той без телеснаго труда спасется»; «Аще бо и стар, а о души понимает, то боле может в старости спастися».

Пропагандируя труд, который и кормит человека с семьей, и дает возможность помогать убогим, нищим и жертвовать церквям и монастырям, Измарагд убеждает, что для «спасения души» нет надобности уходить в монастырь. Адресованный преимущественно мирянам и белому духовенству, Измарагд, выражая глубокое уважение к монахам-подвижникам, в то же время остро критикует тех, кто уходит в монастырь, чтобы избавиться от житейских забот, и внушает мысль, что «спастись» можно и «в миру». «Слово святого Иоанна Златоустаго о глаголющих яко немощно спастися живущим в миру» (Памятники, вып. 3, стр. 45) выдвигает общий тезис: «...не спасет нас место, аще не творим воли божия... несть бо пособия от честна сана, ни от места свята не творящему заповеди божия». Забота о семье, за которую человек несет ответственность перед богом, — первая его обязанность: «Первое домашняя своя и род свой бес печали сотвори — тоже и иным милостыню твори. Се бо лицемерие есть еже чужая сироты наделяти, а род свой или челядь нази и боси и голодни оставляти. Како же душами их попечешися, а телеснаго не исправя, то како в страх божий приведеши их, а телесными недостатки оскорбляя их?».

Еще резче осуждает уходящих в монастырь от семьи «Слово святых отец к христианом, иже кто оставляет жену и дети и отходит в монастырь» (Памятники, вып. 3, стр. 46—47). Даже тем, кто живет богато, нет надобности уходить из мира: «богатство несть зло, аще добре строим» — надо лишь быть «щедрым», «милосердным и кротким». Тем более, «аще ли кто нищеты деля отходит в монастырь, или, детей не могий кормити, отбегает их и не могий печаловати ими — то уже не божия деля любве отходит. Таковий ни потрудитися богу хошет, но чреву угодное творити... отбегая бо кто порожения своего таковий веры отместься и горее поганаго (т. е. язычника) есть... Оставленные бо дети гладом измирают и зимою боси и нази изнемогают, плачут люте и кленуше ся глаголют: почто нас отец наш и мати родиша, оставиша бо нас в велицей беде и в велицей страсти быти». Конечный вывод, к которому направляет проповедник, повторяет основную мысль предыдущего «поучения»: «Везде бо примет нас бог, право и по закону живуще, а не спасут нас и черныя ризы, аще в лености жити начнем». Так нравоучение переходит к теме пользы труда и вреда лености: «Аще ли же кто убог, то делай своими руками и свой хлеб яжь и своих от того кормя, татбы же и клеветы уклоняйся и всякаго зла, да спасешися».

Настойчивые напоминания Измарагда о том, что спастись можно и «в миру», естественны в сборнике, обращенном к мирскому читателю. Поэтому нет основания видеть в этом протесте Измарагда против тяги мирян в монастырь «идею, дерзновенную для церковного средневековья», которая повергает в прах ряд явлений, обычно расценивающихся как «величайшие достижения исторического христианства» (Н. П. Попов, стр. 41). Аргументация Измарагда в данном случае исходит из реальных условий жизни: составитель сборника разглядел в этом стремлении уйти в монастырь не религиозный порыв, а желание избавиться от житейских забот, бросить семью, которую надо кормить, избыть «нищеты». Он так же осудил это бегство от своих обязанностей, как еще раньше и тоже в Новгороде было осуждено увлечение паломничеством: в нем еще в середине XII в. руководители церкви (новгородский епископ Нифонт) увидели